

Многоуважаемые!

Сегодня я хочу поделиться с вами всего лишь одной страницей из моей жизни, так трагически оборвавшейся в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года – мне тогда было всего лишь 50 лет. Немного...

Но я не об этом... Цвет – едва не самое великое в нашем окружении! Жизнь полна цветом! Но как не просто передать его в живописи! Посмотрите, например, на перламутровую раковину, которая отражает под различными углами лучи, выделяя различные цвета... Я всегда любил экспериментировать, и, глядя на раковину, мне вдруг подумалось, что новым материалом живописца могут стать даже известковые плоскости – можно процарапать острием микроскопической лопаточки образцы и получить различные цвета. Так бы картины писать... Цвет, его многогранность и чистота всегда завораживали. Помню, мы ездили в Новгород с Кузьмой Сергеевичем Петровым-Водкиным и студентами в 20-м году и там, в деревне Ляпино ели мед, прозрачный липовый мед, и как желтый цвет поразил нас. Помнится, глубокие размышления возникли о желтом цвете в природе.

А что еще дает чистый цвет? Призмы... Давнее знакомство с физиком Дмитрием Форшем - сыном писателя Ольги Форш, привело меня к крайне любопытной мысли! А что если попробовать создать картину из чистых цветов? Но вот загвоздка – как этого добиться? Разговорившись, мы оба увлеклись этой идеей! Вначале начали экспериментировать с цветными стеклами, благо, что на академическом дворике, где была мастерская по смальте, их было много великое множество – дети мои Верочка и Севир часто играли с ними. Сюда меня с семьей выселили в 1938 году – неуютен я и моя живопись оказались Академии! Но стекла это не то... И мы с Форшем стали экспериментировать с маленькими – порой миллиметровыми цветными призмами. Мы были в восторге от опытов и уверены, что открыли будущий материал живописи! Как много можно добиться с новой техникой и с моим стремлением к свету непостоянному и динамичному! Преломление луча в призме... Какая красота и какая жизнь!

Но малые из цветного стекла призмы давали только цвет, заложенный в их колере. А мне хотелось изобрести нечто совершенно необычное, дающее чистый без примеси цвет! Мое почти научное образование – даже неоконченный физико-математический факультет Петербургского университета, всегда помогало мне в исследованиях законов природы. Быть может именно отсюда такая тяга моя к цвету? Чистый цвет в природе – это радуга, в оптике – спектр, порождаемый преломлением луча в дисперсионной призме. Но спектр – это семь цветов! Живописцу же нужен в конкретном месте произведения конкретный цвет. А что, если попытаться вычленив из спектра определенный луч – точнее, определенную длину светового луча? Ведь, как известно, цвета как такового вообще не существует. Есть отражение тех или иных лучей от поверхности предмета или их полное поглощение. При особой фокусировке призм можно подойти к созданию новой техники в живописи, способной создать движение чистого цвета путем преломления луча в призме. Призмы при этом должны располагаться одна возле другой вплотную, заполняя всю плоскость картины, обращенной к свету стороны. И тогда светоносное изображение получается на обратной стороне картины, при помощи тонких щелей в материале, сделанных художником под определенным наклоном... Как это необычайно! Вперед на новые и смелые задачи живописи и цвета!

И только этим способом – чистым светом, можно изобразить вечного спутника моей жизни Архангела Салафиила, образ которого преследует меня с юности. В 1939 году я задумал композицию Салафиил. Это решение было непоколебимым. Свет и блеск! Растворяю воздух! Разноцветный огонь формируется в образ, сходный с человеком... Он снова и снова являлся ко мне... Помоги, помоги Бог! Из малых призм и света может вырасти новое искусство - искусство цвета - через призмы и отражение определенного цвета луч даст возможность создать это искусство. Я живописец – и в образе Салафиила я сумею разрешить движения цвета. Меня оно увлекло! Движение цвета может быть закономерно использовано и служить выразительным способом к изображению. Цвет здесь все – он организует форму, пространство и движение! Иначе говоря – новую живописную жизнь! Сдвиги цветных огней должны были по моей задумке дать образ Салафиила,

несущего мир и любовь человечеству в сиянии света божественного. Я хотел, чтобы молнии прорезывали плоскость картины, двигались и сами производили мерцание цветных огней и движение крыльев Архангела!

Перед войной жизнь моя складывалась не лучшим образом – картины мои художниками не пускались на выставки, не воспринимались отсталыми массами, душевное напряжение нарастало, надо было кормить семью, преподавать в студиях... На живопись сил было мало, бедные мои картины стояли и ждали моего к ним обращения. Спасали только надежда и мои большие планы на будущее. Я всегда фантазировал... Напряжение мысли – и рождаются образы, герои, события, войны, создания и разрушения миров. Фантазия – спутница моей жизни! Я всегда ловил недосказанное и тайное, пытался найти смысл и оправдания!

Но у моего Салафиила, которого я должен был создать в новой технике, есть, по моему разумению, и иное предназначение: великий молитвенник спас страну от одной войны, и я был уверен, что он спасет ее и от другой беды. Я чувствовал душой, что пришествие Салафиила – молитвенника за людей, забывших Бога своего творца приближается!

Пусть будет первой вестью об этом – моя работа Салафиил!

Павел Голубятников